

Фокин
Валерий Ф

Культура - 2006 - 2-15 марта - 011

У меня театр первый в Петербурге...

Непарадный портрет к 60-летию Валерия Фокина

Валерий Фокин – из категории вечных реформаторов. Вечных деятелей, которым скучно и неинтересно существовать в размеренном течении театральной жизни. Ему всегда хотелось что-то сломать, что-то построить или просто совместить эти действия. С не всегда предсказуемым результатом. И в деятельной биографии режиссера случался традиционный российский парадокс, когда хочешь как лучше, а получается совсем даже наоборот.

Например, пресловутую "дележку" Театра имени Ермоловой, куда Фокин пришел художественным руководителем в начале 90-х, потом он сам счел поступком ошибочным. И сам же вскоре этот театр покинул, оставив, впрочем, нашумевшие спектакли "Говори!", "Спортивные сцены 1981 года" и другие. А две недружественные труппы, запертые в одних стенах, еще долго маялись, пока с трудом не объединились вновь. Фокин же тогда сделал вывод: не стоит ломать то, что не сам построил. Не затевал же он кардинальных перемен в знаменитом Современнике, где проработал добрых два десятка лет штатным режиссером под началом Галины Волчек.

Но идея "своего дела" захватила режиссера целиком и уже не оставляла. Да и была она абсолютно естественной и закономерной в тот период генерального ремонта идеологии и психологии, когда в очередной раз казалось: возможно все. Это уже потом жизненные реалии безжалостно ломали "планов громадье". Да и сейчас ломают.

А Фокин между тем придумал Центр имени Вс.Мейерхольда, прямо обращенный к непрямому Учителю – Мастеру, гениально бунтовавшему против стереотипов отечественной сцены. Создание экспериментальное, творческое, издательское, педагогическое etc, Центр долгое время ютился в двух комнатах Дома актера, но работал весьма продуктивно. Это уже потом его хайтековское здание гордо вознеслось над Новоспасской улицей. Его возведение – десятилетняя абсурдистская строительная сага. В конце концов, мало кто уже верил, что она когда-либо плодотворно завершится. Но, наконец, свершилось, и пару-тройку сезонов ЦИМ действительно вызывал жгучий интерес своими проектами, программами и прочими делами.

Фокина же уже влекло дальше. На горизонте замаячила Александринская история, обраставшая поначалу слухами, интригами и завершившаяся для многих неожиданным финишом – Фокин стал художественным руководителем Александринского театра. Правда, оговорив себе пятилетний срок – до конца августа 2006 года, когда предполагается шумно отметить 250-летие создания государственного театра в России. Притом что в десятках интервью он категорически заявлял о том, что никто и никогда не заставит его связать свою судьбу с обычным репертуарным театром.

Парадокс?

Да ни в коей мере. Во-первых, Александрина – не вполне обычный

В.Фокин

театр. Во-вторых, никто не отменял нормальных мужских творческих амбиций. ЦИМ – дело локальное, а тут ведь можно заявить: "У меня театр первый в Петербурге". И в-третьих, существует манок некоей "миссии" общероссийского масштаба. Другое дело, что миссия может быть не вполне выполнима. Но – творческая и организационная авантюра высокого порядка, но адреналин, выброса которого так не хватает в крови многих театральных деятелей.

Издерки? Конечно же. Бережно взлелеянный ЦИМ стал медленно хиреть. Старая, сплоченная команда разбежалась, пришли новые, случайные люди, вскоре ушли, пришли другие. Центр по-прежнему функционирует, но не всегда теперь остается "в центре" живого интереса. Проблемность двойного художественного руководства, временной цейтнот, географические проблемы, жесткость нынешнего существования Фокина – режиссера и администратора – вероятно, наложили отпечаток и на творческо-человеческие взаимоотношения. Некоторые вчерашние единомышленники перешли в разряд недоброжелателей и злопыхателей. Прежняя ненапускная демократичность отчасти сменилась резкостью оценок и избирательностью контактов. Критические стрелы полетели в Фокина – активного защитника грядущих теа-

тральных реформ, сторонника жестких и кардинальных перемен в дряхлеющем сценическом государстве. Он порой словно бы специально провоцирует "общественность" резкими и безапелляционными заявлениями на эту тему, которые кажутся не вполне в ладу с действительной ситуацией.

Быть может, в этом есть отголоски собственно творческой природы режиссера, предпочитающего в своих спектаклях иметь дело не с реальной действительностью, но с ее сценической параллелью. Где жизнь творится, сочиняется заново, а художник чувствует себя самым настоящим творцом иных миров. И признается, что там ему комфортнее, чем "в миру" окружающем. Хотя иная реальность спектаклей Фокина – материя сложная, иррациональная, частенько находящаяся на грани сна, бреда, видения, а то и сумасшествия. Его учителя, помимо Мейерхольда, – Гrotowski, Arto. Его авторы – Dostoevskiy, Gogol, Kafka. Имена говорят сами за себя. Хотя, конечно же, никаких инсценировок – только авторское и смысловое "зазеркалье", где давний писатель и сегодняшний режиссер идут рука об руку, порой споря друг с другом. И жесткая определенность формы, не терпящая небрежности и незавершенности. Быть может, слишком же

сткая, вызывающая упреки в рационализме и прагматизме. Впрочем, все это виртуозно делалось и исполнялось со "своими" артистами и в камерных пространствах. С Александриной приходится зачастую идти на компромиссы.

Но возвращимся к "миссии". Александринский театр предполагалось возвести в ранг продвинутого, европейски значимого коллектива. Но шумно презентованная пятилетняя программа "Новая жизнь традиции" засбоила сразу же, а потом и вовсе переморолась в жерновах неповоротливой театральной машины. Предполагалось, что старейшую питерскую сцену почтят своим присутствием мастера мировой величины – Лангхоф, Люпа, Марталер и прочие, оставив в репертуаре свои спектакли. О скандале вокруг "Смерти Тарелкина" Лангхoffa, не вышедшем по финансово-техническим причинам, еще судачила пресса. Об остальных мэтрах, видимо, напуганных происходящим, потом громко говорить перестали. Бремя хотя бы частичного выполнения программы взял на себя, конечно же, сам Фокин, выпустив весьма достойные спектакли – обласканными премиями "Ревизора" и менее замеченного "Двойника". Сюда же подверстанные "Маленькие трагедии" Григория Козлова успеха не снискали никакого.

Но... Энтузиазм Александрийских актеров был заметен невооруженным глазом. Они подтянулись и с честью старались соответствовать не простым и непривычным режиссерским замыслам. Они получили возможность мир посмотреть и себя показать благодаря гастрольным и фестивальным вояжам. Театру выделен президентский грант, отчасти улучшивший актерское материальное положение.

Но... Достойных преемников у Фокина, если он решит не возобновлять контракт, по-прежнему нет. Правда, он сам упоминает отдельные имена питерской молодой и авангардной режиссуры, но, кажется, Александрийская машина им пока все же не по силам. А за год до громкого юбилея театр и вовсе закрылся на реконструкцию, что, конечно же, тоже авантюрно-рискованный поступок при наших-то реалиях. Играют пока что на арендованных площадках, где-то на стороне, и сам Фокин репетирует к августовскому юбилею "Живой труп" Толстого. Ждать осталось недолго. Ну а дальше, возможно, последует какой-то новый мощный проект, нестандартный ход. Вряд ли Валерий Фокин остановится на достигнутом.

Ирина АЛЛАТОВА

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ